

Князевы

Жили в Саратовской губернии Новоузенского района, село Дергачи.

Князев Михаил Ефремович (21.11.1869 – 5.3.1924 г.) - мой дед. Родился в селе Грачевка Бузулукского уезда Самарской губернии. Умер в селе Миусс Федоровского района Саратовской области от тифа.

Остался вдовцом с тремя детьми. В начале 900х годов вторично женился на вдове с ребенком Завгородней Марии Васильевне (14.4.1868 – 17.2.1944г.), по первому мужу - Подгайная. Это моя «баба Маша».

У деда до вступления во второй брак были дети:

Князева –Бодрова Анастасия (12.11.1895 -06.1922),

Князева –Шишова Евдокия (13.3.1893 -2.12.1964),

Князева –Лукина Антонина (20 .4.1901-28.6.1962).

У бабушки был сын от первого брака Подгайный Иван Степанович (1893 -1940).

Затем появились совместные дети:

Князев Василий Михайлович (14.1.1906 -13.4.1931),

Князева–Мария Михайловна (7.11.1907 – 15.2.1991).

Князевы из крестьян, во время войны 1914г. дед, будучи по природе неглупым, на войне окончил фельдшерские курсы (получил в награду швейцарские серебряные часы) стал после войны работать в селе фельдшером.

Это сделало его сельской интеллигенцией. Поэтому его дети получили хорошее, по тем временам, образование –две дочери окончили гимназию, моя мама педтехникум, это давало право им быть учительницами в селе.

Баба Маша героически растила и выводила в люди шестерых детей. Пережила смерть мужа, голод 1920х и 1930х годов, смерть троих детей. Перед смертью жила с нами на Дальнем Востоке, воспитывая нас – 4 внучек. Я была и младшей внучкой , любимой была Люся. Баба Маша умерла в 1944г. От воспаления легких, тогда лекарств не было благородных. Я ее хорошо помню.

Князева –Бодрова Анастасия умерла в молодости от чахотки, успев выйти замуж за Бодрова. Судьба свела меня с ним в Уфе в 1968г, где он жил со второй семьей , а я по назначению работала после университета.

Это был интеллигентный старик, прошедший тяжелый жизненный путь (раскулачивание, война, где он был хирургом), вторично женился, имел дочь моего возраста, потом я уехала из Уфы в Ленинград, связи были порваны...

Князева –Шишова Евдокия (тетя Душа) вышла замуж за фельдшера Шишова Николая Сергеевича, они всю жизнь прожили в Пограничке Новоузенского района, село на границе с Казахстаном. Борис Шишов (8.03.22-198?), о судьбе которого ты писала сочинение в школе, – их сын.

Он в первые дни войны оказался в Петергофе, где учился в танковом училище, не окончив учебу, всех курсантов бросили сразу на фронт. В первом же бою их танк подбили. Борис, раненый в голову и с ожогами попал в плен, но выжил, сказавшись деревенская закалка.

Он прошел все круги ада – бежал несколько раз из концлагерей, скрывался у местных жителей, потом его кто-то выдавал немцам, его снова в лагерях зверски избивали, он опять бежал и т.д. Он прошел всю Европу, научился немного всем языкам, а в конце войны прибился во Франции к войскам сопротивления «маки», где хорошо воевал.

Когда кончилась война, он служил в Париже в нашем – советском – консульстве, это были прекрасные годы: он был молод, красив (похож на Пастернака в молодости), его любили парижанки, у него появилась невеста, дочь хозяина быстро, ее фотографию он показывал мне в Пограничке – типичная копия кинозвезд того времени. Но в 1947г. его отозвали домой. Надо было решать свою судьбу – везти молодую жену в саратовскую

деревню или становиться «невозвращенцем». Тут вышел приказ Сталина, запрещающий жениться на иностранках, сколько человеческих судеб было искалечено!

Позднее к нам пришло письмо из Франции для Бориса, что напугало моих родителей, т.к. это было «чревато» неприятностями в те годы, в письме говорилось, что у невесты родилась дочь, ответа от Бориса не последовало...

Тетя Душа ничего не знала о судьбе сына всю войну, считалось, что он пропал без вести.

После Парижа Борис прошел, естественно, расследование в «СМЕРШЕ» как всякий, бывший в плену. Ему повезло, попался порядочный следователь, он изучил его документы и подсказал Борису что делать, чтобы не попасть в лагерь. Посоветовал вернуться в деревню и затаиться там. Действительно, никаких репрессий он не имел, руки МГБ до деревни не дошли.

Он сначала заехал к нам в Саратов – родители мои были потрясены этой историей, а уж как восприняли его появление в деревне можно представить.

Но после Парижа морально жить в разоренной войной деревне было тяжело. Стал работать учителем в школе, стал пить, женился на учительнице Тае, чем–то напоминающей парижанку. По совету моего отца поступил на заочный факультет иностранных языков СГУ, приезжал на сессии к нам, спал на полу (это мы еще у тети Тони жили), но СГУ окончил. Первый сын их родился ненормальным от пьянства Бориса, прожив лет десять, умер.

Ты гостила у них дважды (в три года со мною и 13 лет одна), так что должна помнить не только его, его жену тетю Таю и молодое поколение ребятишек - их второго сына Владимира (9.11.08.48) и внука Димку.

Затем Борис стал председателем колхоза, а в 1973г, когда я его видела в последний раз, он был хозяином деревни – парторгом. При мне ежедневно пил с колхозниками, вдохновляя их на выполнение соцобязательств. Тая даже просила меня поговорить с ним, чтобы меньше пил. Я пыталась сделать это, поговорили мы с ним, а какой толк? Погублена жизнь яркого человека...

Тетя Душа (так ее звали мы) в свое время спасла нас от голодной смерти, когда отец был на фронте, мы жили на его аттестат – так назывались деньги, которые платили офицерским женам и детям. Для существования это было очень мало. Поэтому меня дважды посылали в Пограничку к ним жить – в 1945г. на зиму и на лето, года через два летом. Там я впервые в 6 лет узнала, что такое сливочное масло, дома мы его не ели – роскошь. Помню, что как-то жила в Пограничке и Вика, у нее были плохие легкие, там отъедалась сливками, у тети Души была корова и пр.

Князева –Лукина Антонина после окончания гимназии работала учительницей в детдоме. Всю жизнь потом работала счетоводом, в 1924 году вышла замуж за Алексея Михайловича Лукина, с ним работала в Средней Азии – в Ходженте Таджикской С.С.Р. В 1936г они переехали в Саратов. Про мужа она пишет в автобиографии «в феврале 38 года муж был взят органом НКВД г. Саратова, с тех пор я не знаю, где он находится, т.к. переписки с ним не имею». А все знали – за анекдот, рассказанный в пьяной компании, его посадили. Больше никто о нем ничего не слышал. В 60х годах пришло приглашение в МГБ (тогдашнее КГБ) для получения документа о его посмертной реабилитации. В это время тетя Тоня была лежачей больной, так что мама, как сводная сестра, со страхом сходила в МГБ. Ей вручили бумажку о реабилитации, где было указано, что он умер во время войны на стройке на севере. Такие бумаги выдавали в Саратове многим, все понимали, что реально всех «политических» просто расстреливали сразу. Никаких компенсаций денежных больной вдове не полагалось...

Когда мама с Люсей и бабушкой уехали на Дальний Восток, она стала жить в бабушкиной комнате на Мичуринской улице. Именно туда вернулись мы, когда в 44г. отец уехал на фронт, а мама с 4мя детьми явилась в эту 16 метровую комнату к тете Тоне.

Нетрудно представить, как приятно ей было нас терпеть, хотя комната была записана за мамой. Лишь через 3 года, после демобилизации отца мы захватили 12 метровую комнату на Коммунарной улице, где уже был прописан кто-то, отец имел право на нее тоже как участник войны, после долгих тяжб мы так и остались там.

Потом тетя Тоня доживала одна свой век, последние 4 года была лежачей больной, мы ежедневно бегали менять под ней тряпки (горячей воды не было тогда, как и газа). Так что расплатились с ней за все...

Подгайный Иван Степанович – сводный брат моей мамы – работал учителем, был женат в Саратове, имел двух дочерей, потом разошелся и уехал вслед за нашей семьей на Дальний Восток, где постепенно спивался, хотя работал преподавателем на Камчатке, затем его выгнали за систематическое пьянство, в 1937г. работал корректором в типографии газеты «Камчатская правда», затем грузчиком, бабушка очень за него переживала. В последний раз он явился к бабушке совсем бомжем, его помыли, покормили и отправили в никуда (а это были 30 страшные годы), а места были режимные (там во всех местах были лагеря ГУЛАГа), держать в нашем доме его было страшно, отец боялся за себя и нас. Потом он исчез и больше его никто не видел. Мама делала попытку его разыскать, но тщетно, дата смерти условна.

Князев Василий Михайлович был совестливым, умным, немного желчным человеком, дружил с моим отцом (они все были из одного села), вместе учились в школе, затем были «избачами» - боролись с безграмотностью, потом на педфаке СГУ.

Жизнь его кончилась трагически во время коллективизации в 31 году.

Его – выпускника СГУ – послали помогать раскулачивать в соседние деревни области обычных крестьян, то есть зимой вышвыривали людей из домов, даже не давая взять с собой теплые вещи, на санях вывозили на станции, оттуда в Сибирь. Сцены были дикие, он не выдержал всего, будучи порядочным человеком, и повесился в какой – то избе, оставив бабе Маше записку, что он больше не может... Комсомольцы группы по раскулачиванию осудили его за поступок.

Каково было семье - он был всеобщим любимцем – страшно представить.

Князева Мария Михайловна – моя мать, официально не была замужем за отцом, хотя прожили вместе 37 лет. Я даже однажды спросила, почему они не женились, имея 4х детей. Объяснение легкое – в комсомольской юности это считалось мещанством, позднее достаточно было справки от старшего офицера, чтобы подтвердить, что мама с детьми его жена. У нас даже сохранилась такая справка. А когда мы выросли, то идти в Загс им было стыдно...

Мама с детства знакома была с отцом в селе Дергачи, мама была маленькой, подвижной и активной, сразу «охмурила» его, вместе учились, боролись с неграмотностью на селе, потом учились на педфаках СГУ в Саратове, мама на математическом факультете, отец – на филологическом.

Отца призвали в армию и послали на Восток в 1934г, а мама осталась беременной с бабушкой в Саратове. Родив Люсю, последовала через год за ним вместе с бабушкой. Потом плодились мы (в год по одной – Юля, Вика, я, аборт были запрещены законом). Мама работала учительницей, а тогда декретный отпуск был 1,5 месяца, после чего выходили на работу, но в рабочее время предоставляли час на кормление ребенка, так что мама выкормила нас только благодаря бабушке, на попечении которой мы оставались весь день.

Во время военной службы военную часть отца все время переводили с места на место, то он преподаватель Владивостокского Военно – пехотного училища, то преподаватель учебно – артиллерийского полка офицерского состава, то неопределенно – на командных должностях (это из официальной справки).

В начале войны в ноябре 1941г. все боялись, что Япония нападет на СССР, поэтому все семьи офицеров были эвакуированы в Сибирь. Нас отослали вместе со скарбом на станцию Люблинская Омской области. Там мы прожили более года, а потом выяснилось,

что Япония на нас не нападет, все семьи военных были возвращены на прежние места к мужьям.

Когда мы вернулись в Саратов, а отец был на фронте, жить было очень голодно, мама не могла нас пристроить в детский сад, оставлять нас одних было страшно, мне было 5 лет всего, и она не работала. Жили впроголодь. Я все время хотела есть, поэтому с детства была худой всю жизнь, только в классе 6-м я стала наедаться. В доме у нас жили соседи, которые спекулировали на рынке папиросами, они выбрасывали очистки от картошки, мы их мыли и варили, ели как картошку в мундире... Любимым блюдом была «тюря» - мука, разведенная горячей водой и немного сахара.

Когда отец приехал с фронта, ничего не изменилось – также голодали, хлеб по карточкам был дешевый, но его не хватало, а на базаре буханка хлеба стоила 700 рублей, это преподавательская зарплата отца в месяц. Тогда меня посылали подкормиться в Пограничку, но это не решало проблемы. Тетя Душа, видя наши страдания, пригласила нашу семью переехать в деревню, где можно было выжить. Родители посоветовались, но, думая о нашем образовании, решили как-нибудь продержаться в городе. Это определило наше будущее. Затем я пошла в школу, мама стала работать в десятилетке математиком, и так всю жизнь, иногда даже подрабатывала в вечерней школе, денег в семье не было на элементарные вещи. Хозяйством маме некогда было заниматься, она еле успевала проверять тетради учеников и опять вечером бежала в другую школу. Кормила реально всех я: варила большие кастрюли щей (о качестве еды говорить не стоит, меня ведь никто не учил готовить еду), ставила самовар, кое – как мыла посуду, бегала на базар и пр. Следует помнить, что ни газа, ни горячей воды в нашей 12ти метровой комнате не было.

Я сначала варила еду на керосинке, потом на керогазе, который временами вспыхивал, грозя пожаром.

Старшие сестры учились в первую смену, я во вторую. Меня эксплуатировали на полную катушку, да еще оскорбительно звали Пикой, Пикашкой. По преданию, моя бабушка меня крестила (тайно от родителей) и назвала в церкви Лампикой – какая – то святая, а сестры были маленькие и не выговаривали полностью имя, так и звали Пикой. Оскорбительно это было, когда до 6-го класса так звали, а я была самолюбивой, в школе лидером была, всегда на виду, так я переживала, всем было плевать, в нашем доме не было места жалости и любви, мы, как волчата, выживали в одиночку.

Окончив СГУ, мы стремительно разбегались из дома, мама целыми днями ругалась на отца, то он гвоздя прибить не может (это правда – отец не умел ничего делать мужской работы, его так воспитали в семье, вся деловая хватка досталась дяде Лене), то зарабатывает мало, то сидит без дела и «рассусоливает» - беседует на философские темы, а не занимается делом... А уж если он взглянет на какую – то женщину, то мы обречены выслушивать ругань целый день, даже если он ушел на работу, все продолжалось, мама была ревнива, держала его «в ежовых рукавицах», особенно после войны, когда живых и здоровых мужиков почти не осталось.

Мы росли, но все попытки изменить быт хоть немного пресекались, все оставалось по-старому. Поэтому мы уезжали по направлению ВУЗа куда глаза глядят, да нас мама не удерживала.

Я, последняя дочь, уехала в 1961г в Уфу, родители счастливо прожили без нас до 1971г, когда умер отец. Мама осталась в окружении подруг и знакомых, она была очень общительна. Но потом Лева Силкин привез Андрея из Новороссийска и заявил маме, что Анд. должен поступить в СГУ и жить у мамы все 5лет учебы. Мама, не понимая, во что она ввязывается, согласилась. Сначала она с трудом через свою бывшую ученицу (она в это время работала в обкоме партии) устроила Андрея в СГУ.

Потом выяснилось, что мама, в отличие от Юли, готовить не умеет. Время шло, характер Силкиных всем известен, Анд. превратился в хама, мы что-то вякали в защиту мамы, Юлия страдала больше всех, но изменить ничего нельзя, так решил Лева Силкин. Я во время приездов в командировки пыталась давить на Андрея. Он оправдывался тем, что

мама выжила из ума, на нее слова уже не действуют. Конечно, мама была не сахар, я предлагала ему уйти в общежитие и жить привольно, но его устраивало, что мама хоть как –то его бесплатно кормила. Обвинял он и своих родителей, которые якобы должны обеспечить его квартирой, мои ссылки на то, что у нас квартиры были заработаны самими, на него не действовали. Когда умер Лева, который хоть немного его удерживал в страхе, Анд. совсем распоясался. Юля вынуждена была пойти на крайние меры: она перевезла маму к себе в Н –к, мама в последний момент не передумала уезжать, были дикие сцены на вокзале, где все ее подруги собрались. После приезда к Юле мама окончательно сдала, даже перестала писать письма нам, раньше это было ее любимое занятие. Но при Тане маме лучше не стало. Юля с трудом все уравнивала. Мама умерла в 1991г, мы все прилетали на похороны. Могила ее на горе, внизу Цемесская бухта. Прожила всю жизнь на Волге, а похоронена на море...

+